

учредителя (или, по крайней мере, не противоречит ее интересам).

Конечно, для одних типов и подтипов «инструментальных СМИ» более характерны одни функции, для других – другие. Так, например, для партийной и внутрикорпоративной прессы приоритетными являются идеологическая и организационно-агитационная, а также интеграционная функции. Схожая ситуация и с конфессиональной прессой, правда, для нее большое значение обычно также имеют образовательно-просветительская и воспитательная функции (свойственные для многих изданий НКО). Для многих изданий детских клубов, объединений (а также лицеев, школ) важнейшими функциями являются функции творческой самореализации личности, развития творческих способностей. Но, подчеркнем, по нашему мнению, имиджевая функция (формирования положительного имиджа организации-учредителя), так или иначе, присуща всем «инструментальным» СМИ.

Означает ли изначально зависимая природа «инструментальных СМИ» их второсортность по отношению к «традиционной» прессе? По нашему мнению, нет. Они – именно ДРУГИЕ, особые. И они тоже способны выполнять (как было уже указано) и выполняют важные для общества функции.

1. При этом необходимо отметить, что петербургский исследователь А.Д. Кривоносов уже проводит выделение упомянутых СМИ в особый род средств массовой информации, называемый им «иные СМИ» (в противоположность «традиционным»).

2. Термином «пресса» автор (вслед за некоторыми другими исследователями журналистики) считает возможным обозначать любые СМИ (не только печатные), хотя в данной статье рассматриваются преимущественно печатные издания.

3. Еще раз подчеркнем, что граница между официальной и корпоративной прессой бывает весьма размыта (так же, как между корпоративной прессой и прессой некоммерческих организаций), никто из исследователей пока не смог провести четких и достаточно обоснованных границ между этими типами СМИ.

4. Все названные корпоративные СМИ издаются в Екатеринбурге.

5. Правда, все политические партии имеют свои сайты в Интернете, которые тоже можно считать партийными СМИ.

А.Д. Трахтенберг

«КОМПЬЮТЕРЫ НА РОССИЮ КАК УШАТ ВОДЫ ВЫЛИЛИ»: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ГЛАЗАМИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Трахтенберг
Анна Давидовна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ,

Происходящее в настоящее время в России информационная революция привела к массовому распространению новых коммуникационных технологий: сотовой связи, компьютеров и Интернета. Если количественные аспекты данных процессов постоянно изучаются, так что существует доста-

точно полная и подробная информация о том, как колеблется по социально-демографическим группам уровень проникновения сотовой связи, каково число персональных компьютеров на 100 домохозяйств и доля пользователей Интернета, выходящих в сеть не реже одного раза в неделю, то качественные аспекты освоения этих технологических устройств исследованы сравнительно слабо.

С целью в какой-то мере заполнить данный пробел в 2008 – 2009 гг. в Свердловской области была проведена серия фокус-групп, направленных на изучение как наличного дискурса непосредственного восприятия уже имеющихся информационно-коммуникационных технологий, так и идеологического дискурса, вписывающего информационно-коммуникационные технологии в имеющиеся в рамках обыденного сознания представления об обществе.

В 2009 г. серия фокус-групп состоялась в г. Полевском Свердловской области. Выбор этого города в качестве объекта для исследования был обусловлен следующими факторами:

А) Город Полевской можно рассматривать в качестве типичного малого промышленного города Свердловской области. В нем имеется градообразующее предприятие «Северский трубный завод» (входит в состав ОАО «Трубная металлургическая компания»); это крупнейший российский производитель труб, который входит в тройку лидеров мирового трубного бизнеса). Как градообразующее предприятие, Северский трубный завод обеспечивает работой более одиннадцати тысяч человек из 72,2 тысяч жителей Полевского городского округа.

Б) Город Полевской – один из старейших населенных пунктов Свердловской области. Современный город представляет собой объединение рабочих поселков Полевской и Северский, основанных соответственно в 1723 г. (Полевской медеплавильный завод) и в 1735 г. (Северский железоделательный завод). Объединение произошло в 1942 году, тогда же Полевской получил статус города. Северная часть города (бывший пос. Северский) до сих пор сохраняет традиционную структуру уральского горнопромышленного поселения, сочетающего черты городского и деревенского образа жизни.

В) Город Полевской находится в 40 километрах от Екатеринбурга, являющегося финансовым и экономическим центром не только Свердловской области, но и всего Уральского федерального округа. Традиционно выпускники школ г. Полевской получали высшее образование в Екатеринбурге, а в постсоветскую эпоху весьма распространенной становится занятость в Екатеринбурге при продолжающемся проживании в Полевском.

Поэтому процессы информационной революции и адаптации информационно-коммуникационных технологий в Полевском происходят, с одной стороны, под влиянием соседнего мегаполиса, хотя и с некоторым, вполне объяснимым отставанием, а с другой – под воздействием типичных для малого города традиционных структур коммуникации. Это порождает заметно более сильные, чем в мегаполисе, межпоколенческие разрывы, а также ряд специфических способов освоения информационно-коммуникационных технологий, нетипичных для мегаполиса.

В ходе фокус-групп проводилась сравнительная оценка дискурсов непосредственного восприятия пользователями не только компьютера и Интернета, но и мобильной связи (с учетом того, что данные технологические объекты начали осваиваться пользователями практически параллельно). В данной статье будут подробно рассмотрены особенности восприятия информационно-коммуникационных технологий пожилыми людьми², которые по принятой классификации относятся к «информационно бедным».

В Свердловской области в целом и в г. Полевской в частности уровень проникновения сотовой связи превышает 100%, по данному параметру информационная бедность практически отсутствует. Однако до появления сотовой связи уровень телефонизации в г. Полевской не превышал 20% (в поселке Северском, по словам участников серии фокус-групп, собственный стационарный телефон в советские времена был исключительной редкостью). Оказалось, что если примерно половина пожилых людей – участников фокус-группы охотно и активно используют мобильную связь для поддержания внутрисемейной коммуникации, отмечая при этом, что далеко не сразу оценили пользу и удобство нового устройства. Главным преимуществом мобильной связи пожилые участники фокус-группы № 3 считают возможность разговаривать «везде»:

«У меня есть телефон, внучата подарили. Это очень удобная вещь, более чем удобная. Первое время, конечно, привыкали, а сейчас запросто разговариваем. Можно хоть куда его с собой взять: хоть дома, хоть в сад, хоть в лесу, и без границ. Можно звонить на край света!»

Характерно, что от перечисления конкретных локусов, откуда можно выйти на связь (дом, сад, лес), участник фокус-группы переходит к метафорическому «краю света», и более того – использует выражение «без границ». Можно говорить о том, что в данном возрастном сегменте освоение мобильной связи создает тот же эффект «уничтожения пространства», который в младших возрастных сегментах порождает освоения Интернета.

Однако эффект «уничтожения пространства» вовсе не обязательно воспринимается однозначно позитивно. Не случайно часть участников фокус-группы № 3 декларировала свое нежелание пользоваться мобильным телефоном, причем подводила под это нежелание «идеологическую базу». Жители

малого города старшего возраста были недовольны тем, что мобильные телефоны разрушают привычную структуру внутригрупповой коммуникации, сводя ее к простому «обмену информацией», то есть лишая ритуальной составляющей, поддерживающей единство микрогруппы.

«Из-за сотовых люди в гости перестали ходить. Раньше думаешь: дай-ка пойду, внезапно придешь, узнаешь информацию, чаю выпьешь, или к тебе придут. А тут минуты полторы – две и всю информацию узнал! [Сотовый телефон] преждевременный в нашем обществе».

Неявно участники фокус-группы исходят из того, что технически-опосредованная коммуникация вообще не должна иметь личностной составляющей, и осуществляться только «по работе». Участники фокус-группы не могли принять «избыточности» мобильной коммуникации, поскольку привыкли существовать в условиях имевшегося в советские времена острого «телефонного дефицита», который выражался не просто в низком уровне проникновения телефонной связи, но и в том, что личный стационарный телефон был признаком принадлежности к местной элите и не доступен большей части населения. Общение по рабочему телефону достаточно жестко контролировалось как внешним надзором, так и соответствующими этикетными нормами, согласно которым длительное время говорить по рабочему телефону о личных делах было «неприлично». Отсюда впечатление, что молодые люди, общаясь по мобильному телефону, «несут чушь» и «рассказывают небылицы». В результате мобильная связь вписывается в традиционный дискурс «молодежной испорченности», во многом сохраняющий советские черты:

– *Недавно ехала из Екатеринбурга, и два человека какой только бред не несли. Если бы это выстроить в конспект, что он отвечает, это было на грани шизофрении – дебилизм неярко выраженной формы. И кто-то сидит так, кто-то расселся этак. Или девочка молодая – у нее телефон как носовой платок в сумке, а какую ахинею несут!*

– *Этот зависит от человека.*

– *У тех, кому четырнадцать – пятнадцать лет, это вообще... Юбку задрала, трусы наружу выставила и начала чушь нести!...*

Отсюда же требования обучать молодежь правильному пользованию сотовым телефоном и жа-

лобы на то, что сотовый телефон заменил формы культурного проведения досуга:

– *Сотовые умеют по-умному помогать, но мы не умеем пользоваться. Пусть будет, но чтобы была культура пользования телефоном. Тогда и я возьму, а пока внук передаривает друзьям...*

– *Надо, чтобы все грамотно было – по работе, если необходимость срочно позвонить, а не то, что я иду, и давай тревожить знакомых, рассказывать небылицы.*

– *Надо, чтобы учителя учили, как вести себя в обществе, и с телефоном тоже.*

– *Беда в том, что у молодежи отобрали Дома культуры. Весь спорт, весь досуг бесплатный. Поэтому прилипли к трубкам.*

Характерно, что примеры правильного использования мобильной связи участники фокус-группы черпают из телевизионных сериалов, причем правильное использование предполагает использование должностными лицами в государственных интересах:

– *А ведь можно использовать и по умному. Вот в сериале «След»: чуть что, распечаточка – кто звонил, куда, кому, и юристам и следователям ничего делать не надо, насколько полезную информацию дает. В «Следе» это так красиво преподносится!*

– *Это в сериале. А в жизни третий месяц не могут найти боевиков в Ингушетии!*

Отношение пожилых людей к компьютерам и Интернету почти целиком находится в сфере социальной мифологии и идеологических штампов. Это вполне объяснимо, учитывая, что у большинства участников фокус-группы личный опыт взаимодействия с компьютером либо вообще отсутствует, либо является крайне незначительным. Компьютеры и Интернет осмыслились пожилыми людьми в привычном им с советских времен дискурсе научно-технического прогресса, при этом они применяли разнообразные дискурсивные стратегии для того, чтобы снизить социальную значимость новой информационно коммуникационной технологии.

«Людей пенсионного возраста эта игрушка с мышкой начинает просто раздражать, и у нас нет потребности пользоваться этой инновацией... Блог, не блог или как называется. Мы не потому не хотим пользоваться, что нет средств купить прибор или сделать его средством общения, а по-

тому что нет потребности. И это не говорит о нашей ограниченности!».

«Я понимаю, что это прогресс, это современно. Но прислушиваюсь к зарубежным товарищам, которые говорят, что компьютер тоже будет пройденным этапом технологического прогресса».

«Я компьютер не отрицаю, а не покупаю, потому что потребности нет. И объясняется это не тем, что нам за семьдесят или шестьдесят, а потому что есть ценз какой-то, есть чувство, что это тоже проходящее...».

Презрительное определение компьютера как «игрушки с мышкой», несколько раз повторявшееся в ходе фокус-группы, явно выглядит защитной реакцией, как и противоречащее реальности утверждение, что компьютер является пройденным этапом научно-технического прогресса. Когда один из участников попытался соединить прогрессистскую риторику с характерной для Интернета риторикой «исчезновения пространства», это сразу же вызвало резительный отпор и породило дискуссию:

Одновременно участники фокус-группы использовали сформированную еще в 60-е годы мифологии о том, что искусственный разум постепенно вытеснит людей из производства и других сфер жизни.

– *Компьютер всегда говорит только «да», а человек может сказать «нет». С компьютером думать не будешь!*

– *Чтобы компьютер не превратил человека в автомат...*

– *Мне не охота в это верить, хотелось бы ошибиться, но со временем компьютер будет вытеснять человека. Возьмите ту же математику: в наше время за логарифмическую линейку ругали, говорили – надо, чтобы мозги развивались без подсказок. А электроника вытеснила и лодырем делает человека.*

– *Или письмо сочинить, это природное, естественное, или по Интернету... Или вот даже опрос делали общественного мнения. Сделали диктант членам правительства. Семьдесят три процента написали на двойку и каракули ужасные. Это все электроника, они не виноваты в этом – их сделали умственными лентяями!*

– *Я согласна, что Интернет к лениости ума приводит.*

Фактически участники фокус-группы № 3 воспроизводили дискурсивные комплексы 60-х – 70-х

годов, связанные с оппозицией «человек – робот». Как отмечает Ш. Таркл, именно на этом, самом раннем этапе освоения информационных технологий имеет место романтическая реакция на понятие «почти что живой машины»: «Людам даруется священное пространство, которое служит основой их человеческой уникальности. Люди являются чем-то особенным, потому что у них есть чувства и потому что их нельзя запрограммировать»³. Соответственно, главная опасность компьютеров и Интернета состоит в том, что люди «отучаются думать», а точнее – утрачивают традиционные социальные навыки получения информации.

В результате участники фокус-группы пришли к выводу, что компьютеры и Интернет оказывают на общество негативное влияние, и даже высказали мнение о преждевременности массовой компьютеризации в России.

– *Компьютеры обедняют жизнь. Для молодежи компьютеры – единственный источник информации. Перестал существовать семейный совет, перестала существовать школа, существует только эта новация, а она на кнопке и на мышке основана.*

– *Их на Россию как ушат воды вылили!*

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, социальная адаптация новых информационно-коммуникационных технологий в малом городе идет не только с разной скоростью, но и в разных качественных формах, и порождает разнообразие дискурсивных практик, как прагматических, так и идеологических и мифологических.

1. Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 09-03-83320а/У «Отношение жителей малых и средних городов к новым информационным технологиям (на примере Свердловской области)».

2. В фокус-группе с участием пожилых жителей в г. Полевской приняли участие девять человек: пять женщин и четверо мужчин в возрасте старше 55 лет. Два участника имели среднее образование, трое – среднее специальное, четверо – высшее. Ни один из участников фокус-группы не умел пользоваться компьютером. Домашний компьютер имелся у двух участников (проживающих вместе с детьми), у одного участника он был подключен к Интернету. В то же время, как показал ход фокус-группы, участники активно пользуются традиционными СМИ, прежде всего электронными: в ходе обсуждения они неоднократно в подтверждение своих мыслей приводили примеры из информационных программ и телесериалов. Сотовые телефоны имелись у семи человек из девяти.

3. Turkle Sh. Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. N.Y.: Symon & Schuster, 1995. P. 84.